

УДК 631Е72
ББК 60.56

В. А. Ермолов

РЕФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ И ПРОБЛЕМЫ КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ГОДЫ ПРЕДВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК

Состояние губернии к началу коллективизации

Проанализированы причины возникновения проблемных ситуаций при создании общественной формы хозяйствования на селе в предвоенные годы (1928–1941). Используются архивные материалы по строительству колхозов в отдельно взятом районе. Показаны особенности воздействия местной власти на сознание крестьянства.

К концу 20-х гг. прошлого столетия в Новгородской губернии произошел заметный подъем сельского хозяйства, вызванный как благотворным влиянием Октябрьского переворота 1917 г., который наделил крестьян землей, так и новой экономической политикой советской власти. За короткое время НЭПа крестьяне сумели восстановить сельское хозяйство, разрушенное Гражданской войной, но только до уровня 1917 г. Производство зерна вплоть до 1929 г. продолжало колебаться на уровне чуть выше довоенного. В Новгородской губернии это превышение составило всего 4,9 %¹. И дело здесь было не в одной только технической отсталости губернского сельского хозяйства (в котором к началу НЭПа приходилось по одному плугу на 2,5 крестьянских двора, одна соха и одна борона – на 2 двора, а из трех тракторов на всю губернию два были неисправны²), но и в том, что Новгородская губерния, как и весь Северо-Запад РСФСР, страдала от излишней влаги и недостатка тепла, отчего частыми были неурожаи.

Впечатляющими темпами увеличивалось лишь поголовье скота. В весенний сев 1926 г. крестьяне Боровичского уезда смогли вывести на поля 44 тыс. 141 рабочую лошадь со всем необходимым инвентарем. В их хлевах, коровниках содержалось 299 тыс. 370 голов крупного рогатого скота, не считая овец, коз и свиней³. Расходный бюджет на одно крестьянское хозяйство в месяц (данные 1923–1924 гг.) составлял: на пищу и платье 260 руб. 33 коп., на содержание скота – 163 руб. 9 коп. (по курсу рубля 1924 г.). Доходная часть была значительно выше расходной и составляла на семью 435 руб. 39 коп. На одного члена семьи приходилось в среднем 69 руб. 90 коп.⁴, что было немногим выше месячного заработка боровичского рабочего-огнеупорщика. Понятно, что речь здесь шла не о бюджете бедняцкой или батрацкой семьи, которая продолжала жить за счет дотаций и льгот, получаемых от государства.

Все первое десятилетие существования (1917–1927 гг.) советская власть прилагала значительные усилия, чтобы поскорее поднять деревенскую бедноту до уровня середняков. Государство пошло по пути бесплатного распределения сельхозинвентаря, ощутимого снижения налога (с 92 до 32 % по РСФСР), выдачи хлебных пайков, семенных ссуд и пр. По Боровичскому уезду эта помощь была оказана на десятки и сотни тысяч рублей. В губернии безлошадным беднякам советская власть отпустила безвозмездно 45 тыс. руб.⁵ Бог знает, куда они их дели, но из нищеты никто из них не вылез. Помощь была оказана исключительно с одной целью: побудить бедняков переходить к коллективным формам труда – артелям, коммунам и ТОЗам, в которые семена, удобрения и сельхозтехника поступала по до-reволюционным ценам, более низким, чем цены 1925–1926 гг. Большевики надеялись таким путем повысить благосостояние крестьян и сделать бедняцкие хозяйства основными производителями товарного хлеба.

Большая часть бедняков и батраков вступила в крестьянские объединения, но лишь исключительно с целью получения от государства новой порции льгот. Оставшаяся часть бедняков продолжала существовать за счет государства. В новой экономической политике, с ее ставкой на деловую и предприимчивую личность, бедняки и батраки вовсе не нуждались, ведь бесплатная помощь государства была им обеспечена. Поэтому они и не помышляли вести активную сельскохозяйственную деятельность. Эту черту бедняков отмечали еще левые эсеры. А еще раньше об этом говорил П. А. Столыпин: «Всегда были и будут тунеядцы, но не на них должно ориентироваться государство». «Солью земли русской» называл премьер-министр способного и трудолюбивого крестьянина⁶. Действительно, среди бедняков оказалось много пьяниц и лодырей. Получив от советской власти землю, многие стали сдавать ее в аренду за часть урожая своим более предприимчивым сельчанам, а сами работали у них по найму и, таким образом, не приносили государству никакого дохода, но застарелая зависть к трудолюбивым, а потому и богатым, крестьянам продолжала существовать. Поэтому бедняки и батраки пребывали в постоянной готовности вновь приступить, как в годы Гражданской войны, к экспроприации своих состоятельных односельчан. Те же из бедняков, кто имел только одну лошадь и соху, были не в состоянии ни обработать, ни унавозить полученную в избытке землю и перегоняли тощий урожай на самогон. К тому же хлебопоставки государству значительной частью крестьян выпол-

нялись неохотно. Сказывалась уходящая корнями в XIX век тенденция к сокрытию крестьянами истинных доходов с целью уменьшения налога. Скudное поступление хлеба в фонд намечающейся индустриализации отмечал И. В. Сталин. В работе «Вопросы ленинизма», изданной в 1926 г., автор будущего «большого скачка в социализм» писал: «А производство товарного хлеба растет убийственно медленным темпом»⁷.

Таким было положение дел и расстановка сил в Новгородской губернии к концу 20-х годов.

Начало и ход коллективизации

Неурожайный 1928 г. породил множество неожиданных проблем и трудностей, тормозящих, к великой досаде местных властей, процесс коллективизации и индустриализации в Боровичском округе⁸. Суровая зима и дождливое лето неблагоприятно сказались, на озимых. Плохо уродилась и яровая пшеница. Показатели урожайности крестьянских хозяйств по картофелю и зерновым были средними, а по льну даже пониженными. Крестьяне не добрали несколько миллионов пудов ржи, пшеницы и ячменя. В Боровичском округе нечем стало кормить скот. По весенней выборочной переписи 1927 г. одних только коров числилось 111 тыс. 811 голов, или 59 % от прежнего количества⁹. Крестьяне начали резать коров, в том числе и племенных. Спасая элитный скот от истребления, Наркомзем (Народный комитет земледелия) обратился во Всероссийский союз сельскохозяйственной кооперации Сельхозсоюз с предложением провести за счет сельскохозяйственных кредитов бедняцкого и кооперативного фонда и средств колхозов закупку ликвидируемого племенного молочного скота с тем, чтобы распределить его по беднейшим крестьянским хозяйствам, колхозам и совхозам.

Коллективные хозяйства, основанные на общественном труде, начали создаваться в Боровичском уезде еще в 1918 г., но проблема их экономического развития заключалась в том, что они были самыми маленькими в Новгородском и Боровичском округах. В среднем в колхоз входило 7–8 семей бедняков. Животноводческие и тягловые ресурсы, например, колхоза «Вперед за социализм» Гребложского сельсовета даже в 1931 г. все еще состояли из 4 коров и 9 лошадей. Не было ни обобщественных овец, ни кур, ни какой-либо другой живности¹⁰. Поэтому первые колхозы, артели и коммуны, несмотря на помощь государства, не могли выжить без дотаций, а потому и не являлись сколько-нибудь значительными поставщиками сельскохозяйственной продукции. Мелкие и необобщественные крестьянские хозяйства, хотя и не исчерпали своих возможностей для развития, удовлетворить потребности индустриализации в сроки, установленные первой пятилеткой (1928/29–1932/33 гг.), не могли.

Государство в 1928 г. постаралось оказать финансовую помощь колхозам. Боровичскому округу было выделено 85 тыс. рублей, еще 14 тыс. – на создание новых хозяйств, но их экономическая база существенно не была укреплена¹¹. Очередная проблема заключалась в том, что малограмотные руководители бедняцких кресткомов (крестьянских комитетов взаимопомощи), которых в округе насчитывалось 680, не обладали ни созидатель-

ными, ни организаторскими способностями, а поэтому пошли по наиболее легкому пути, распыляя и без того небольшие средства на грошовые подачки беднякам. Планируемые изначально как боевые помощники райисполкомов на селе, кресткомы превратились в благотворительные общества, выдающие мизерные ссуды по 7–8 рублей. Случаи бесхозяйственности и денежных растрат стали частыми явлениями¹². К 1929 г. колхозы Боровичского округа (их насчитывалось 120) продолжали оставаться маломощными и малолюдными. На каждый колхоз в среднем приходилось не более 10 лошадей и столько же коров, что составляло 2 % от общего поголовья скота, находящегося в личном пользовании крестьян.¹³

К слову сказать, в Боровичском округе первые попытки бедняцких сельсоветов самостоятельно решать аграрные вопросы терпели неудачу, и все по той же причине отсутствия руководящего опыта. Батраки, члены сельсоветов, абсолютно не умели увязывать работу с профсоюзным строительством и не умели отчитываться. С трудом разбирались (и то не всегда) в вопросах советского строительства, давали наказания, но не следили за их исполнением. В Егольском сельсовете, пропагандируя коллективный труд, общими усилиями засеяли полудесятину льном. Полосу назвали «Ленинской». Лен уродился на славу, но по халатности сельсовета и кресткома не был вовремя убран и пропал¹⁴. Подобные случаи бесхозяйственности имели место не только в деревнях Ленинградской области, поэтому становилась насущной необходимостью воспитания и обучения кадров руководителей низшего уровня. Кроме того требовалась серьезная разъяснительная работа среди крестьян, но она не проводилась.

Продовольственный кризис 1928 г. не позволял центральной власти добрать недостающую норму зерна, так необходимую для экспорта. Отсутствие у государства валютных накоплений грозило существенно замедлить темпы индустриализации. Власть заметалась в поисках выхода из кризиса. Однако ни один из предлагаемых вариантов дальнейшего развития страны не гарантировал добровольной оплаты крестьянами хлебного налога. Согласно постановлению ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1928 г. из промышленных центров страны на постоянную работу на село было направлено 25 тыс. индустриальных рабочих, что, впрочем, по многим причинам не решило проблем с хлебосдачей, хотя бы потому что перевод людей осуществлялся на общественных началах и без какой-либо финансовой помощи со стороны государства. Из Ленинграда для работы в районах отобрали 4614 человек. «25-тысячники» должны были решить проблему подготовки кадров для колхозов путем замены бедняков-сельсоветчиков передовыми рабочими и стать председателями колхозов, членами правлений, секретарями партячеек, заведующими фермами или же бригадирами. Над Боровичским округом шефство возглавил Володарский район Ленинграда. Сюда выехало 22 рабочих, 18 из них стали председателями колхозов¹⁵.

В основном посланцы Ленинграда были коммунистами, участниками революции и Гражданской войны, а главное – высококвалифицированными производственниками. Они многое сделали для колхозов, ремонтируя технику, проводя культурную работу – несмотря на слабую помощь райсоветов и райземотделов, которые не всегда владели информацией о конкретных нуждах того или иного хозяйства. Но командировка рабочих

в деревню сразу же породила проблему выполнения производственных планов на заводах и фабриках. В годовых отчетах, направленных в наркоматы промышленности, звучали просьбы директоров не отправлять сотрудников в деревни. В конце концов в мае 1931 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР издали постановление «О полном прекращении мобилизации рабочих от станка на нужды текущих кампаний...»¹⁶.

Опора на комсомольцев в организации колхозов не везде приводила к положительному результату. Проблема заключалась в том, что городские и сельские комсомольцы по-разному смотрели на коллективизацию и давали ей далеко неоднозначную оценку. Если первые относились к коллективизации с энтузиазмом (ибо судили о ней по газетным сводкам), были более грамотными, «варились» в организованном фабрично-заводском «котле» и полагали, что строят «светлое будущее» собственными руками, то вторые сами были выходцами из крестьянских семей и не могли не видеть произвола районных властей, приводящего к распаду хозяйств. Можно представить себе положение сельских комсомольцев-активистов колхозного строительства, которые в силу своего положения вынуждены были оправдывать и пропагандировать разрушительную политику государства. Поэтому находились среди них и несогласные с такой политикой. Комсомолка Вагина из Кончанской ячейки ВЛКСМ открыто выступила против организации колхозов. Комсомолец Баранов, член Кобожской ячейки, посчитал неправильным отвод для организации колхозов лучших земельных участков, так как этим, считал он, обижают местных зажиточных крестьян, не желающих вступать в колхоз. Комсомолка Шедомицкой ячейки ВЛКСМ Стукалова на вопрос о ее отношении к колхозам ответила: «Колхозы – это разорение крестьянину. В них идет лодырь и лентяй. Что мне там делать? Колхозные разговоры слушать? Не хочу»¹⁷.

Нельзя однозначно оценить и вклад комсомольцев в коллективизацию. Если за 1928 г. комсомольцы Боровичской городской организации ВЛКСМ создали 35 сельхозкооперативов и колхозов, обучили начальной грамоте в течение года 696 человек и все заработанные деньги передали на строительство школ, то, комсомольцы Чернорученской ячейки ВЛКСМ Боровичского района в полном составе отказались вступить в колхоз. Боровичский горком ВЛКСМ распустил ячейку¹⁸.

Рукотворное лихолетье

Осенью-зимой 1929/30 г. партийно-государственное руководство страны взяло решительный курс на сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса. С января 1930 г. борьба государства с зажиточным крестьянством ожесточилась до предела. В ответ зажиточные и единоличники сократили посеы озимых. Власть применила «чрезвычайные меры», при которых у наиболее упорных противников колхозного строя зерно из амбаров выгребалось подчистую. Но даже эта мера не изменила отношение крестьян. Они считали индустриализацию делом городских рабочих и вовсе не желали оплачивать ее своим трудом и потом, ибо весь их образ жизни и стремление к индивидуализму никак не вписывались в малопонятную им индустриализацию и коллективизацию с ее обществен-

ным трудом. НЭП, хотя и был всего лишь тусклым отражением былого русского предпринимательства, все же позволил работающему крестьянину почувствовать преимущество индивидуального труда. Крестьяне отказывались бесплатно отдавать хлеб государству даже под угрозой тюремного заключения.

С 1 февраля кулаков лишили избирательных прав и взяли подписку о невыезде. На железнодорожных станциях запретили погрузку имущества частных лиц без разрешения райисполкомов и горсоветов¹⁹. Была разработана «секретная инструкция» по выселению и расселению кулаков. По шести районам Боровичского округа наметили к выселению 29 тыс. 422 хозяйства²⁰. Участки земли для выселяемых назначили в Минецком, Опеченском и Боровичском районах. Почва подбиралась заболоченная, суглинистая и заросшая хвойным лесом. Хозяйства на местах организовывались общественные, т. е. колхозные. Рабочий инвентарь (лошадь, соха, борона, телега, топор, пила, скот и т. п.) выделялся за счет «конфискуемого на местах имущества»²¹.

В борьбе с кулачеством власти столкнулись с довольно сложной проблемой определения понятия «кулак». Причина заключалась в том, что уже к середине 1920-х гг. в условиях НЭПа с общим повышением жизненного уровня предприимчивых крестьян произошло интенсивное смещение экономических критериев и возникла путаница в определении того, кого можно считать середняком, а кого – сельским буржуем. Постановлениями от 20 февраля и 21 мая 1929г.²² власть определила пять основных признаков, по которым крестьянское хозяйство можно было записать в разряд кулацких, как то: систематическое применение наемного труда, наличие в хозяйстве мельниц, маслобоек, крупорошек, машин, сдача внаем помещений и т. п. Однако любое крестьянское хозяйство оказывалось втянутым в рыночные отношения, поэтому было почти невозможно определить в этой ситуации, происходит ли эксплуатация чужого труда. Установленные «критерии» повлекли за собой массовые нарушения законности при изъятии собственности.

Бегство крестьян в города и на стройки социализма создавало проблему в организации колхозов. К 10 мая 1930 г. процент коллективизации в Ленинградской области снизился с 24,8 до 6,2 %, а 20 сентября достиг рекордно низкого уровня – 5,47 %²³. Ленинградский обком ВКП(б) прилагал максимум усилий для предотвращения бегства крестьян и полного краха колхозного строительства. Сменили и частично обновили составы сельских райкомов. В Боровичский район²⁴ выехал секретарь окружкома ВКП(б) В. С. Волцит с инициативной группой, но полностью сохранить число колхозов и остановить выход крестьян из них не удалось²⁵. В результате на 1 декабря 1930 г. в районе реально существовало всего 39 колхозов, включавших 598 крестьянских хозяйств²⁶.

Боровичский район, не будучи хлебопроизводящим, заметно отставал по хлебозаготовкам на фоне других округов, но план хлебопоставок оставался неизменным. Директивы ЦК ВКП(б) настаивали на форсированном нажиме на зажиточную верхушку деревни при выполнении плана хлебозаготовок. Чтобы разрядить напряженную обстановку, были введены так называемые «контрольные цифры» хлебодачи для каждого колхоза и совхоза, но на практике эти цифры распределялись по классовому принципу:

с бедняка – по минимуму, с зажиточного и кулака по максимуму, что и породило очередные проблемы. Вполне естественно, что возникла конфронтация между бедняками и зажиточными крестьянами. Кроме того, последовал решительный отказ части председателей и членов сельсоветов, среди которых были и коммунисты, участвовать в бесчеловечном и несправедливом распределении «контрольных цифр» хлебосдачи. В отличие от представителей райисполкомов, члены сельсоветов сами были крестьянами и хорошо знали цену выращенному хлебу, тем более, что недород случился и в 1929 г. В деревне Высочка председатель сельсовета А. Платов в сердцах выкрикнул пришедшим заготовителям: «Какого лешья выдумали? Нам ли до сдачи излишков, коли самим на шамовку не хватает»²⁷. Действительно, в Боровичском округе было много деревень почти со сплошь бедным населением.

Сопrotивление хлебосдаче и яростная борьба с хлебозаготовителями не прекращалась. В Лутоненском сельсовете Боровичского района председатель сельсовета Соловьев и секретарь Осипов не дали «твердых заданий» кулацко-зажиточной части деревни.

– «Почему?» – спросил заготовитель Киселев. «А потому, – ответили сельсоветчики, – что если бы мы перестреляли всю бедноту, то тогда выполнили бы хлебозаготовку». И добавили: «Бедноту считаем паразитами советской власти»²⁸.

Уполномоченный РКК (рабочей контрольной комиссии) Рычагов, приехавший в деревню Лягуново, увидел нищету крестьянских дворов и заявил: «Если принять контрольную цифру, то это значит отдать весь хлеб. После этого никто советской власти и верить не будет». Собрание приняло резолюцию: «Ввиду того, что в деревне большой недород хлеба, принять участие в хлебозаготовках не можем». Парторганизация исключила Рычагова из партии²⁹. Та же участь постигла председателя Лыкошинского сельсовета, члена бюро ячейки ВКП(б) Редикова и членов Белозеского и Малокрестовского сельсоветов³⁰.

Неудачи с хлебозаготовками и сопротивление части сельских коммунистов выполнению контрольных заданий привело к сокращению областного сельского партийного состава (4963 чел.) на 355 чел. Наибольший процент исключенных из партии пришелся на сельские ячейки³¹. И все равно излишки зерновых крестьяне сдавали крайне неохотно. На 21 ноября 1929 г. план хлебозаготовок по Боровичскому округу был выполнен только на 58 %, но и этого оказалось достаточно, чтобы 5 совхозов и 94 колхоза (из 120) остались без семян, а в Москву полетели крестьянские письма с жалобами на хлебозаготовителей.

Беспрецедентное насилие с хлебосдачей, творящееся в деревнях, вызвало откровенную злобу в адрес советской власти. В деревне Раменье на собрании после распределения нормы хлебного налога крестьянка выкрикнула: «Советская власть голодом морит, клян, клян советскую власть, а царя каждый день вспоминаю. Имела бы деньги, купила бы керосина бочку и сожгла бы Смольный!»³² Местная печать активно поддерживала государственную политику. Со страниц «Красной искры» не сходили призывы типа: «Освободить всех бедняков от налога!» или «К зажиточным и кулакам применять принудительное взыскание путем описи и продажи имущества» и тем самым разжигали страсти. В деревне Черемошь Борович-

ского округа кулаки убили организатора колхоза 16-летнего комсомольца Рыбакова. Хуторянин Васильев совершил поджог в коммуне «Новый путь». Крестьянин Кудявкин сбежавшимся на пожар сельчанам предлагал «кидать в огонь всех коммунистов» и т. д. Только в 1928/29 г. в Ленинградской области кулаками было совершено более 200 террористических актов³³.

Первая пятилетка заканчивалась, но с какими плачевными результатами! Произвольное изъятие у крестьян зерна и скота для нужд экспорта сделало жертвами голода в Боровичском районе десятки тысяч крестьянских семей. За два года колхозного строительства поголовье лошадей в районе сократилось на 1180 голов, коров – на 1380, ремонтного молодняка – на 1495, а из 2120 свиней уцелело только 212. Массовый падеж обобщественного скота объяснялся отсутствием в колхозах стойлового содержания, низкой питательностью сена и недостаточной заготовкой (50 %) кормовых ресурсов. Все это следовало помножить на крайнюю суровость зимы³⁴. Голод, обрушившийся на крестьян в 1932 г., подсказал верхушке ВКП(б), что для сохранения власти выход из кризисной ситуации следует искать в создании на селе чрезвычайных органов по типу армейских политотделов, наделенных полномочиями политических, хозяйственных и карательных органов, которые и были созданы в январе 1933 г. решением пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).

Удалось ли политотделам разрешить проблемы коллективного хозяйствования? В целом, разумеется, нет, потому что методы воздействия были принудительными, а порой и силовыми. Мужик, загнанный в угол отсутствием выбора хозяйственной деятельности, вынужден был вступить в колхоз. Хлебную норму налога политотделам удалось выбить, но перелома в развитии животноводства не произошло. Жизнь в деревнях продолжала оставаться материально тяжелой. Правда, в Новгородском районе политотделы укрепили отстающие колхозы, назначив энергичных и грамотных руководителей, но только в 14 колхозах поднялась стоимость трудодня до 3кг зерновых и 6,4 картофеля, в остальных же хозяйствах трудодень остался на уровне 1932 г. (2,3 кг зерна и 2,8 кг картофеля)³⁵. Единственное, что действительно удалось сделать политотделам, так это переломить негативное отношение центральной власти к личному подсобному хозяйству колхозников, которое ранее рассматривалось как пережиток прошлого, отвлекающий крестьянина от работы в общественном хозяйстве.

Во второй пятилетке (1933–1937 гг.) средний размер колхозов по Боровичскому району вырос с 19 хозяйств в 1934 г. до 32 в 1937г., но главным образом за счет объединения колхозов их число уменьшилось с 375 до 283. Всего в колхозах работало 4353 человек. Обобщественный скот включал 6294 головы, что составляло примерно половину от того, что было у крестьян до коллективизации³⁶. Малолюдность колхозов оставалась самой болезненной проблемой обобщественных хозяйств.

В 1935 г. колхозникам в законодательном порядке разрешили торговать на рынке продуктами своего приусадебного участка, в результате чего у колхозников начало увеличиваться поголовье личного скота. Этим тут же воспользовались председатели колхозов и стали закупать у колхозников скот для пополнения колхозного стада, которое после голода 1932 г., не дотягивало до показателей доколхозного периода. Теперь у председателей появилась возможность указывать в сводках «естественный прирост» общественного поголовья. С колхозной землей, площадь которой в свя-

зи с укрупнением колхозов выросла настолько, что не только засеять, но и полностью убрать урожай стало проблемой, поступили обратным образом. Председатели колхозов, дабы избежать потерь от неубранного урожая, стали сокращать посевные площади, а в отчетах указывали липовые данные. Пустующие колхозные земли они сдавали в личное пользование расторопным и хозяйственным колхозникам. Под заботливым уходом земля начала приносить доход. В целом по стране колхозные земли сократились, а подсобные хозяйства колхозников увеличились на 2,5 млн гектаров. В результате к началу третьей пятилетки (1937–1943 гг.) почти 80% приусадебных хозяйств поставляли свою продукцию на городские рынки. На их долю пришлось пятая часть всего продовольственного оборота страны³⁷. Преимущество индивидуального труда над коллективным казалось неоспоримым.

В Кремле ознакомились с положением дел в колхозном секторе и пришли в страшное негодование: на майском пленуме ЦК ВКП(б) 1939 г. выяснилось, что колхозные приусадебные хозяйства приносят их владельцам по 15–20 тыс. руб. в год, что было заметно выше зарплат некоторых государственных чиновников высокого ранга. ВКП(б) усмотрела в увеличении приусадебных участков большую опасность, ведь улучшение материального положения колхозников происходило благодаря труду на личных приусадебных, а не на общественных землях. А это обстоятельство, в свою очередь, дескредитировало социально-экономическую основу колхозного строя. Этого партия перенести не могла. Наказание последовало незамедлительно. 27 мая 1939 г. вышло постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания»³⁸. 15 августа силами колхозных парторганизаций и представителей райсоветов срочно провели обмер приусадебных участков и передали в фонд существующих колхозов 1,8 млн. га и еще 0,7 млн га для обеспечения вновь образованных колхозных дворов. Дополнительно значительно повысили минимум трудодней на одного колхозника³⁹.

Затем наступила очередь ликвидации хуторских хозяйств, которые появились в Новгородской области задолго до Октябрьского переворота 1917 г. В Боровичском районе к 1939 г., по данным газеты «Красная искра», насчитывалось около 350 хуторов. По всей вероятности, это приблизительное количество, ибо архивы сообщают о 212 хуторских хозяйствах. В их число входило 149 колхозных хуторян, 25 единоличников и 38 рабочих и служащих⁴⁰.

Проверка показала, что хуторские дворы привычно и прочно вросли в колхозную землю. Даже среди председателей колхозов и сельсоветов нашлись явные приверженцы хуторской системы. В Еремеевском сельсовете (9 хуторов) сам председатель Андреев перебрался на хутор⁴¹. Птица и скот хуторян привольно кормились на колхозных полях. Хуторяне, занятые личным хозяйством, имели самое малое количество колхозных трудодней. Председатель колхоза «Звезда» Удачин категорически отказался переселиться с хутора в центральную усадьбу, но власть особо не церемонилась с теми, кто сопротивлялся сселению в колхозы, ибо никакой иной формы землепользования, кроме общественной, в стране не должно было быть. Хуторянина колхоза «Литвиновец» Яковлева-Елисеева за упрямство и «самовольное использование земли» народным судом определили на 6 месяцев принудительных работ.⁴²

Что изменилось в колхозах Боровичского района в предвоенные годы? Произошло насыщение колхозов техникой, но крайне неразвитой оказалась ремонтная база. Большая часть техники из-за поломок простаивала у заборов и разбиралась на запчасти. Начавшаяся советско-финляндская война (1939–1940 гг.) и большие потери Красной армии в подвижных средствах повлекли изъятие автомобилей и тракторов, задействованных в народном хозяйстве. В Боровичском районе из 179 грузовых автомобилей поставке в армию подлежало 80 машин, но 65 из них оказались неисправными из-за отсутствия ремонтных мастерских⁴³. В колхозах Ленобласти неисправные автомобили составляли 83 % от общего числа. Тракторов в Боровичском районе оставалось 11 единиц, но исправными оказались лишь 8 из них⁴⁴. Не хватало и комбайнов. Их на 283 колхоза приходилось всего 9 штук. Зерно с полей убирали при помощи 285 жнеек и 74 сложных молотилок. Потери зерна оставались значительными. Из других видов техники в колхозах больше всего было сенокосилок (499), а менее всего картофелесажалок 21. Обслуживали колхозы всего 3 МТС⁴⁵.

Увеличилось ли число колхозов в Боровичском районе к концу 1940 г.? Не увеличилось, а еще больше сократилось. К тому же в Ленобласти в связи с войной из колхозов призвали на службу состоящих в запасе и военнообязанных. Генеральный штаб Рабочее-Крестьянской Красной Армии собирался выиграть войну с Финляндией силами одного лишь Ленинградского военного округа. Мужчин в колхозах оставалось мало. Основная тяжесть работы легла на женщин. Поскольку ничего уже нельзя было «высосать» из оставшегося населения области для пополнения колхозов, власть пошла на очередное укрупнение общественных хозяйств, действуя по принципу: «Я тебя слепила из того, что было». В области подобным образом «исчез» 301 колхоз. В Боровичском районе из 283 колхозов на 1 января 1940 г. осталось 166, объединивших всего лишь 5343 двора⁴⁶.

Политика укрупнения коллективных хозяйств не принесла желаемых результатов. Бегство из колхозов продолжалось под любыми предлогами (служба в армии, учеба в институте, вербовка на север и т. д.). Уровень жизни колхозников стремительно снижался. Выдача зерна на трудодень с 2,2 кг в 1938 г. снизилась до 1,6 в 1940 г.⁴⁷ Оплата труда в колхозах области не превышала 45 коп. за трудодень. От 10 до 20 копеек за трудодень получали в 12 % колхозов. И только примерно от 0,4 до 0,7 % колхозов выплачивали на трудодень от 1,5 до 3 рублей, а в 4,7% колхозов получали «пустые» трудодни. Общественное хозяйство продолжало оставаться убыточным. Средняя задолженность перед государством составила 43 тыс. 398 руб.⁴⁸ на один колхоз, не считая других платежных обязательств. Налоговые ставки в колхозах не учитывали ни материального положения, ни возраста и состояния здоровья колхозников. Есть корова в хозяйстве – так будьте добры платить налог сполна, даже если корова дает молока не больше козы. Эти обстоятельства порождали безразличие колхозников к общественному труду. Снижение трудовой дисциплины, хищение общественной собственности стало повсеместным явлением.

Что еще можно добавить к сказанному? Бесспорно, колхозное крестьянство, несмотря на свое тяжелое материальное и правовое положение, многое сделало для укрепления экономической и оборонной мощи страны, но стали ли мы после всех лишений могучей и цветущей державой? Да, мы получили в результате двух сталинских пятилеток рост промышленного потенциала и численности рабочего класса. Но разрыв между СССР и Западной Европой не был преодолен. Накануне Великой Отечественной войны советская деревня, едва вернувшаяся к доколхозным показателям производства, тем не менее продолжала вносить в национальный доход государства больше, чем промышленность, но все же не могла накормить досыта не только страну, но и саму себя. Что касается нерешенных проблем колхозов, то они продолжали досаждают народному хозяйству страны вплоть до распада СССР в декабре 1991 г.

¹ На земле Новгородской : Очерки по истории Новгородской области. – Л., 1970. – С. 165.

² Там же. – С. 85.

³ Краткий статистический справочник по Новгородской губернии, календарь – записная книжка на 1927 г. – Новгород, 1927. – С. 132.

⁴ Там же. – С. 164.

⁵ Красная искра. – 1927. – 17 апреля.

⁶ Аврех, А.Я. П.А. Столыпин и судьба реформ в России. – М., 1991 – С. 23.

⁷ Сталин, В.И. Вопросы ленинизма. – М., 1926. – С. 211.

⁸ В 1927 г. было введено новое территориально-административное деление СССР Северо-Западная область была разбита на округа и районы. Новгородскую губернию поделили на два округа (Новгородский и Боровичский), которые вошли в состав Ленинградской области. Площадь Боровичского округа (13 районов) составила 18 тыс. 300 км² с населением 373 тыс. 600 человек.

⁹ Ленинградская область : Экономический обзор области, округов и районов и Карельской АССР : СПб. ст./ Под ред. С.Н. Нефедова, М.В. Рослякова. – Л., 1928. – С.249.

¹⁰ Красная искра. – 1941. – 1 января.

¹¹ Красная искра – 1929. – 2 октября.

¹² Там же.

¹³ Красная искра. – 1929. – 3 февраля.

¹⁴ Красная искра. – 1927. – 3 февраля.

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 3112, оп. 7, ед. хр. 8. – Л. 140.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 6276, оп. 15, ед. хр. 37. – Л. 1.

¹⁷ Красная искра. – 1929. – 12 апреля.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 7179, оп. 3, ед. хр. 128, № 1–139. – Л. 4.

²⁰ Там же. – Л. 37–39.

²¹ Там же. – Л. 96.

²² Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР № 14, ст. 117; № 34, ст. 301. – М., 1929.

²³ Очерки истории Ленинградской организации КПСС : В 3 т. – Т.2. – Л., 1980. – С. 234–235.

²⁴ В конце июня 1930 г. ХУ1 съезд ВКП(б) принял решение «об упразднении округов и передачу оперативных функций, прав и материальных ресурсов округа району и горсовету» (ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций. – С. 630.

²⁵ Очерки истории Ленинградской организации КПСС : В 3 т. – Т.2. – Л., 1980. – С. 234–235.

²⁶ Отчет о работе Боровичского Горсовета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1928–1930. – Боровичи, 1930.– С. 28.

²⁷ Красная искра. – 1929. – 14 октября.

²⁸ ЦГА СПб. Ф. 6276, оп. 17, ед. хр. 230. – № 1–91. – Л. 4.

²⁹ Красная искра. – 1929. – 1 декабря.

³⁰ Красная искра. – 1929. – 16 октября.

³¹ Очерки истории Ленинградской организации : В 3т. Т. 2. – Л., 1980. – С. 224.

- ³² ЦГА СПб. Ф. 3112, оп. 6, ед. хр. 29. – Л. 106 – 107.
- ³³ Очерки истории Ленинградской организации КПСС : В 3 т. Т. 2. – Л., 1980. – С. 231.
- ³⁴ Отчет о работе Боровичского Горсовета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1928–1930. – Боровичи, 1930. – С. 28.
- ³⁵ На земле Новгородской : Очерки по истории Новгородской области. – Л., 1970. – С. 179.
- ³⁶ ЦГА СПб. Ф. 7179, оп. 9, ед. хр. 111. – Л. 22.
- ³⁷ Осокина, Е.А. За фасадом «сталинского изобилия» : Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. – М., 1998. – С. 105.
- ³⁸ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : Сб. Т. 5. 1971. – С. 398–404.
- ³⁹ Осокина, Е.А. За фасадом «сталинского изобилия» : Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. – М., 1998. – С. 109.
- ⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. 1684, оп. 5, ед. хр. 56. – Л. 7.
- ⁴¹ Красная искра. – 1939. – 21 июня.
- ⁴² Красная искра. – 1939. – 27 июня.
- ⁴³ ЦГА СПб. Ф. 7179, оп. 53, ед. хр. 17. – Л. 27–28.
- ⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. 779, оп. 53, ед. хр. 26. – Л. 187.
- ⁴⁵ Красная искра. – 1939. – 20 ноября.
- ⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. 1684, оп. 5, ед. хр. 631–а. – Л. 76.
- ⁴⁷ История советского крестьянства : В 5 т. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945. – М., 1987. – С. 106.
- ⁴⁸ ЦГА СПб. Ф. 7179, оп. 53, ед. хр. 13. – Л. 52–53.